

Шахов Александр Александрович

Гете и его время

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 03
ББК 92
А46

А46 **Александр Александрович Ш.**
Гете и его время / Шахов Александр Александрович – М.: Книга по Требованию, 2024. –
305 с.

ISBN 978-5-521-30736-4

ISBN 978-5-521-30736-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Александръ Александровичъ Шаховъ *).

(некрологъ).

Московскому университету приходится занести въ свой отчетъ за истекшій годъ новую тяжелую утрату: 5-го декабря 1877 г. скончался отъ чахотки, едва достигши 27-лѣтняго возраста, приватъ-доцентъ по кафедрѣ исторіи всеобщей литературы Александръ Александровичъ Шаховъ.

А. А. Шаховъ родился 20-го ноября 1850 г. Получивъ первоначальное воспитаніе въ одномъ изъ лучшихъ московскихъ пансіоновъ, покойный на семнадцатомъ году поступилъ въ московскій университетъ и скоро былъ замѣченъ профессорами какъ талантливый, трудолюбивый и многообѣщающій юноша. Въ 1869 г. онъ былъ удостоенъ золотой медали за свое разсужденіе *О Житіяхъ Новгородскихъ Святыхъ*, написанное на тему, заданную Θ. И. Буслаевымъ. Избравъ предметомъ своихъ специальныхъ занятій литературу западной Европы, Александръ Александровичъ отправился по окончаніи университетскаго курса за границу, работалъ въ парижскихъ бібліотекахъ и бралъ частные уроки старо-французскаго языка у Дармстетера, преподавателя грамматики романскихъ языковъ въ *École des hautes études*. Приглашенный въ 1873 г. преподавателемъ на *Высшіе Женскіе Курсы*, учрежденные профессоромъ В. И. Герье, Александръ Александровичъ избралъ предметомъ своихъ чтеній нѣмецкую литературу XVIII вѣка, такъ называемую эпоху просвѣ-

*) Изъ Отчета, читаннаго въ собраніи московскаго университета 12 января 1878 года.

щенія (Aufklärung). Покойный отнесся къ своему дѣлу съ необыкновенной добросовѣстностью и увлеченіемъ. Въ слѣдующемъ академическомъ году онъ продолжалъ свой курсъ, перешелъ къ французской литературѣ XIX вѣка и съ особенной подробностью остановился на Жоржъ-Сандѣ. Этотъ послѣдній курсъ, въ продолженіе котораго Александру Александровичу приходилось касаться многихъ жизненныхъ вопросовъ, сильно способствовалъ нравственному сближенію талантливаго преподавателя съ его молодыми и воспріимчивыми слушательницами. Между имъ и аудиторіей вскорѣ образовалось взаимное пониманіе и симпатія. Вотъ какъ одна изъ бывшихъ слушательницъ Александра Александровича характеризуетъ его чтенія и то впечатлѣніе, которое они производили: „Мы всѣ боялись проронить хотя бы одно слово изъ его лекціи. Ни дождь, ни грязь не останавливали слушательницъ бѣжать на его лекцію, даже изъ такихъ далекихъ концовъ, какъ Петровскій паркъ, Мѣщанскія, Покровка, въ то время, когда курсы помѣщались на Пречистенкѣ. Трудно было не увлечься тѣмъ живымъ, полнымъ энергіи словомъ, которымъ дышала каждая его лекція. Читая лекціи Шахова и слушая его живое слово—представляло громадную разницу. Каждая лекція въ его устахъ какъ бы экспромтомъ получала особую, ему свойственную отдѣлку: въ ней было много характерныхъ оборотовъ и выраженій, которые по своей живости и силѣ могутъ сравниться развѣ только съ пылкой рѣчью Бёрне. Личность его слишкомъ тѣсно сливалась съ преподаваемымъ предметомъ, съ его лекціями, въ которыхъ онъ выступалъ свѣтлымъ, полнымъ энергіи и надежды“ *).

Къ сожалѣнію, лекціи Александра Александровича, въ которыя онъ положилъ столько труда, души и надеждъ, обошлись ему дорого. И безъ того слабое здоровье его окончательно разстроилось отъ непосильныхъ тру-

*) «Два слова о покойномъ А. А. Шаховѣ». *«Русская Газета»* 11 декабря 1877 года.

довъ; появились явные признаки чахотки, и доктора настоятельно убѣждали А. А. бросить занятія и отправиться за границу. Лѣтомъ 1875 г. Шаховъ уѣхалъ за границу, предварительно защитивъ представленную имъ въ факультетъ диссертацию *pro venia legendi*: *Французская литература въ первые годы XIX вѣка*. Обширная начитанность, замѣчательная способность обобщенія и рѣшительный литературный талантъ, выказавшійся какъ въ мѣткихъ характеристикахъ, такъ и въ необыкновенномъ изяществѣ изложенія, составляютъ достоинства этой книги, написанной такъ живо и занимательно, какъ рѣдко пишутся ученые разсужденія. Какъ литературный критикъ, Александръ Александровичъ принадлежалъ къ той новой исторической школѣ критики, лучшими представителями которой на западѣ служатъ Тэнъ и Брандесъ. Живыми и яркими чертами онъ рисовалъ ту общественную почву, изъ которой вырастали изучаемые имъ литературные типы, тщательно слѣдилъ за характеромъ отражавшагося въ нихъ общественнаго настроенія. Зиму 1875—1876 г. Александръ Александровичъ провелъ, по настоянію медиковъ, за границей, но не столько лѣчился, сколько работалъ надъ своимъ новымъ курсомъ, по исторіи французской литературы XVIII в., который онъ открылъ въ московскомъ университетѣ съ осени 1876 г. И на университетской кафедрѣ явился онъ такимъ же талантливымъ и блестящимъ преподавателемъ, какъ на Женскихъ Курсахъ. Несмотря на ранній часъ (Александръ Александровичъ читалъ отъ 9—10) и необязательность лекцій (въ качествѣ приватъ-доцента онъ читалъ для желающихъ), аудиторія, гдѣ читалъ Шаховъ, была всегда полна и притомъ не только студентами историко-филологическаго факультета, но и другихъ факультетовъ. Глубоко западало въ молодыя души живое, прочувствованное, а подчасъ и рѣзкое слово талантливаго преподавателя, много надеждъ возлагали они на него. Но этимъ надеждамъ не суждено было сбыться. Уже подъ конецъ академическаго года

здоровье Александра Александровича до того было плохо, что онъ съ трудомъ дочитывалъ свой курсъ. Осенью прошлаго года развившаяся чахотка снова угнала его за границу, откуда онъ возвратился только, чтобъ умереть. Остается сказать нѣсколько словъ о нравственномъ характерѣ покойнаго. Александръ Александровичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ цѣльныхъ натуръ, которыя, къ сожалѣнію, все рѣже встрѣчаются на Руси. Слово у него никогда не расходилось съ дѣломъ; человѣкъ принципа прежде всего, Александръ Александровичъ не былъ способенъ ни на какія сдѣлки съ тѣмъ, что онъ признавалъ зломъ и ложью. Онъ могъ переломиться, но не согнуться. Глубокая и ѣдкая скорбь охватываетъ сердце, когда подумаешь, что эта многообѣщавшая жизнь оборвалась такъ рано. Смерть не дала А. А. оправдать Vollständig тѣ надежды, которыя на него въ правѣ было возлагать общество. Но онъ жилъ не даромъ; въ предѣлахъ отмѣренной ему жизни онъ совершилъ свой подвигъ честно и вѣрно. Въ три года своей преподавательской дѣятельности онъ успѣлъ заронить въ молодыя и воспріимчивыя души своихъ слушателей и слушательницъ много сѣмянъ истины и добра, которыя не замедлятъ принести свои плоды. Къ Шахову можно съ полнымъ правомъ примѣнить извѣстныя слова Грановскаго о Фроловѣ, что отсутствіе его будетъ замѣтно въ тѣсныхъ рядахъ того войска, которому Россія ввѣрила знамя своей образованности.

Н. Стороженко.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Введеніе. О задачахъ и методѣ исторіи литературы.

Предварительныя замѣчанія о классическомъ и романтическомъ направленіи. Опредѣленіе и объемъ понятій «литература» и «исторія литературы». Роль поэзіи въ литературѣ. Литературныя типы, какъ носители общественнаго міросозерцанія. Различіе между литературою съ одной стороны и словесностью и письменностью съ другой. Моя личная задача. — Необходимость объективнаго отношенія къ изучаемымъ произведеніямъ. Разница художественной техники въ эпическомъ, метафизическомъ и реальномъ періодахъ.

Прежде, чѣмъ приступить къ изложенію литературной исторіи Гёте и его времени, которая будетъ предметомъ моего курса, я считаю необходимымъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о задачахъ современнаго историка литературы и разъяснить вамъ тотъ общій планъ, которому я намѣренъ слѣдовать въ моихъ чтеніяхъ.

Въ различныхъ спеціальныхъ сочиненіяхъ вы найдете самыя различныя толкованія и опредѣленія понятій «литература» и «исторія литературы». Если вы возьмете какой-нибудь французскій трактатъ прошлаго вѣка или даже какой-нибудь французскій учебникъ, вышедшій и въ недавнее время, но проникнутый духомъ классической школы, вы найдете, что занятіе литературою должно заключаться главнымъ образомъ въ изученіи стили и тѣхъ внѣшнихъ литературныхъ формъ, въ которыя вливается художественное содержаніе. Французская классическая школа, преданія которой еще и доселѣ проскальзываютъ въ сочиненіяхъ французскихъ писателей, не знаетъ «исторіи литературы»; она изучаетъ *belles-lettres*, *poésie*, *éloquence*. Даже въ парижскомъ университетѣ—Сорбоннѣ—не имѣется спеціальной кафедръ литературной исторіи, вмѣсто которой суще-

ствують профессуры краснорѣчія и поэзія. Еще очень недавно можно было слышать отъ нѣкоторыхъ французскихъ преподавателей, что періодъ французской литературы, достойный изученія, простирается отъ 1636 г. (годъ написанія «Сида») до 1699 г. (годъ смерти Расина). Произведенія этого періода считались образцовыми; на основаніи ихъ анализа создавались риторическія теоріи, которыя считались обязательными для всѣхъ, претендовавшихъ на званіе поэта.

Если вы съ другой стороны обратитесь къ сочиненіямъ нѣмецкихъ романтиковъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, то увидите, что понятіе «литература» для нихъ почти тождественно съ понятіемъ поэзія, что поэзія, въ свою очередь, есть одно изъ проявленій свободнаго человѣческаго духа, что она есть разрѣшеніе противорѣчій между безусловнымъ и дѣйствительнымъ, что она есть квинтъ-эссенція жизни и языкъ боговъ и т. п. Въ противоположность классикамъ, романтики отвергали правила, которыя, по ихъ мнѣнію, могли только стѣснять божественное вдохновеніе поэта; они поклонялись произвольной игрѣ поэтической фантазіи и субъективному настроенію художника. Но сквозь неясныя и неопредѣленныя бредни нѣмецкой романтики прокрадываются очень почтенныя мнѣнія, которыя наконецъ, освободившись отъ таинственныхъ и мистическихъ аксессуаровъ, получаютъ преобладающее значеніе и становятся основаніями новаго взгляда на литературу и ея исторію. Послѣдователи романтики заговорили о поэзіи, какъ о воспроизведеніи дѣйствительности; самимъ вождямъ романтической школы обязаны мы первыми опытами настоящей литературной исторіи.

Теперь не удовлетворяются исключительнымъ изученіемъ стиля и внѣшней формы, какъ того хотѣли классики, не удовлетворяются изслѣдованіемъ «сущностей», «идей» и «абсолютныхъ достоинствъ» художественныхъ произведеній въ отрѣшенности ихъ отъ исторіи, какъ проповѣдывали нѣкоторые послѣдователи романтической школы. Для насъ всякое литературное произведеніе есть историческое явленіе, съ одной стороны — продуктъ извѣстныхъ историческихъ условій, а съ другой — факторъ, въ свою очередь вліяющій на эти условія.

Посмотримъ повнимательнѣе, какъ относится къ своему предмету современный историкъ литературы.

Изъ наблюденій надъ отдѣльными фактами, изъ изученія частныхъ явленій, а всего чаще просто изъ опыта, изъ повседневныхъ жиз-

нѣмыхъ столкновѣній и случаевъ образуется въ человѣкѣ *общій* взглядъ на жизнь, на отношеніе къ окружающему міру, къ людямъ вообще, на добро и зло, пользу и вредъ, на свои жизненные задачи, иногда и на задачи всего народа и всего человѣчества. Этотъ общій взглядъ въ человѣкѣ, вырабатываемый мыслью и практикою, называемъ мы *міровоззрѣніемъ*. По большей части люди довольствуются имъ въ этой первоначальной, грубой, иногда даже отрывочной формѣ; они пользуются имъ для своихъ будничныхъ нуждъ, какъ домашней обиходной философій. Но иногда человѣкъ стремится осмыслить эти вопросы, отдать себѣ отчетъ въ своихъ убѣжденіяхъ, въ своемъ міровоззрѣніи, стремится сообщить его другимъ. Это сообщеніе можетъ произойти въ двухъ формахъ: 1) или извѣстное міровоззрѣніе складывается въ отвлеченную систему, ищетъ для себя подтвержденія и оправданія въ строгой логикѣ, опирается или старается опираться на научные факты; тогда въ результатъ получается философское ученіе; 2) или извѣстное міровоззрѣніе *воспроизводится*, т. е. выливается въ живые образы, изображается на примѣрахъ изъ дѣйствительной жизни, на различныхъ людскихъ типахъ, служитъ какъ бы общимъ фономъ для цѣлой картины, — является поэтическое произведеніе.

И тѣ, и другія произведенія, т. е. философскія и поэтическія, мы отнесемъ къ *литературѣ*, обнимающей всѣ сочиненія, въ которыхъ болѣе или менѣе отражается міровоззрѣніе извѣстныхъ эпохъ, которыя имѣютъ интересъ общій, которыя заняты не отдѣльными фактами, а обобщеніями или, пожалуй, типизаціей. Такимъ образомъ литература является зеркаломъ общественнаго міросозерцанія, носительницею всѣхъ великихъ идей эпохи. Поэтому *исторія литературы* есть исторія постояннаго видоизмѣненія общихъ коренныхъ понятій или идей человѣчества, есть исторія метаморфозъ въ міросозерцаніи народовъ, исторія, которую мы возстановляемъ на основаніи великихъ произведеній человѣческой мысли и творчества.

Разъ условившись въ этомъ опредѣленіи, нельзя ограничивать, какъ это часто дѣлалось и до сихъ поръ дѣлается, исторію литературы областью спеціально-поэтическихъ произведеній; въ нее придется включить анализъ не только великихъ философскихъ доктринъ, но и крупныхъ научныхъ изслѣдованій по общимъ вопросамъ. Геттнеръ совершенно основательно разсматриваетъ въ своей литературной исто-

ріи XVIII вѣка значеніе Ньютона, Локка, Монтескье, Ад. Смита именно потому, что ихъ сочиненія произвели переворотъ во всемъ кругѣ идей того времени. Тѣмъ посвящаетъ свой послѣдній томъ исторіи англійской литературы Диккенсу, Тэккерей, Тениссону, а вмѣстѣ съ тѣмъ историку Карлейлю и философу-энциклопедисту Джону Стюарту Миллю. Шестнадцатое столѣтіе, Шекспиръ и Рабле останутся для насъ непонятными безъ изученія Лютера, Бэкона, Монтэня. Будущему историку литературы XIX вѣка необходимо придется изложить значеніе современныхъ естествонаучныхъ и экономическихъ теорій. Современное міросозерцаніе, нашъ юный реализмъ не можетъ быть ясенъ для человѣка, который игнорируетъ экономическія ученія французскихъ и нѣмецкихъ мыслителей и филогеническую теорію Дарвина.

Опредѣливши такимъ образомъ область литературной исторіи, необходимо однако замѣтить, что исторія поэзіи занимаетъ въ ней центральное положеніе; около нея группируются изслѣдованія философскихъ и научныхъ произведеній, ею болѣе всего занимается историкъ литературы; это не безъ основанія.

Какъ я уже замѣтилъ, философія извѣстнаго періода даетъ общія схемы, отвлеченныя положенія, не разясняя ихъ на отдѣльныхъ фактахъ и примѣрахъ. Поэзія изображаетъ живыхъ людей, даетъ плоть и кровь общимъ понятіямъ, говоритъ нашему воображенію, нашей способности представлять. Истинная поэзія отвѣчаетъ вмѣстѣ и на запросы мысли и на требованія воображенія. Черезъ нее мы знакомится съ міромъ *общей* дѣйствительности, не съ одними абстрактными положеніями, а поэтому она полнѣе и выразительнѣе философіи знакомитъ насъ съ міровоззрѣніемъ извѣстной эпохи. Далѣе: философская или научная система есть плодъ мысли отдѣльной выдающейся личности, интеллигентной вершины общества, лица, стоящаго выше не только современныхъ ему массъ, но и образованныхъ людей вообще, нерѣдко даже лица, которое переросло свой вѣкъ. Напротивъ, поэтъ долженъ жить въ самомъ обществѣ, долженъ сблизиться со многими сторонами общественной жизни; притомъ въ своемъ твореніи онъ воспроизводитъ не только свое личное міросозерцаніе, но и жизнь и убѣжденія своихъ героевъ — извѣстныхъ общественныхъ представителей. Поэтому поэтическое произведеніе лучше знакомитъ насъ со *всею* эпохою, съ *общимъ* настроеніемъ,

съ общимъ ходомъ идей, чѣмъ научная система, предлагающая намъ результатъ умственного труда отдѣльнаго лица. Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на третье обстоятельство. Философія и наука доселѣ были достояніемъ немногихъ избранныхъ. Большинство не настолько упражняло мысль, чтобы освоиться съ широкими научными обобщеніями. Поэтическое произведеніе доступнѣе и гораздо сильнѣе дѣйствуетъ на массу. Сообщая извѣстное міровоззрѣніе, оно распространяетъ и уясняетъ извѣстныя идеи, которыя становятся популярными. Приведу по этому случаю характеристическое замѣчаніе Бѣлинскаго. «Политико-экономъ, вооружаясь статистическими числами, *доказываетъ*, дѣйствуя на умъ своихъ читателей или слушателей, что положеніе такого-то класса общества много улучшилось или много ухудшилось, вслѣдствіе такихъ-то и такихъ-то причинъ. Поэтъ, вооружаясь живымъ и яркимъ изображеніемъ дѣйствительности, *показываетъ*, въ вѣрной картинѣ дѣйствуя на фантазію своихъ читателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ дѣйствительно много улучшилось или ухудшилось отъ такихъ-то и такихъ-то причинъ. Одинъ доказываетъ, другой показываетъ и оба *убѣждаютъ*, только одинъ—логическими доводами, другой—картинами. Но перваго слушаютъ и понимаютъ немногіе, другого—все». Успѣхъ поэтическаго произведенія доказываетъ, что оно пришлось обществу по плечу, что оно отвѣтило на его нужды. Такимъ образомъ, великое поэтическое произведеніе разъясняетъ намъ ближе, чѣмъ философская или научная система, *общее* міровоззрѣніе извѣстной эпохи. Повесть является зерномъ, сердцевиною литературы. Спеціальная исторія философіи и научныхъ изслѣдованій знакомитъ насъ съ движеніемъ мысли, съ ея успѣхами и развитіемъ въ отдѣльныхъ личностяхъ. Исторія литературы знакомитъ насъ вообще съ распространеніемъ извѣстныхъ идей въ обществѣ, съ ихъ популяризацией; съ одной стороны она захватываетъ исторію науки и ищетъ въ ней зарожденіе извѣстныхъ идей съ другой стороны она опирается на исторію практическихъ общественныхъ отношеній и изслѣдуетъ общественную среду, воспринимающую мысль; наконецъ своею особенною задачею она ставитъ анализъ тѣхъ произведеній мысли и творчества, въ которыхъ отразилось общественное *міросозерцаніе*, иначе—та совокупность общихъ понятій, которая признается обществомъ въ данную эпоху.

Итакъ, это общественное міросозерцаніе—задача историка лите-

ратуры. Но міросозерцаніе даннаго періода воплощается въ извѣстные общественные типы, господствующіе и преобладающіе въ обществѣ въ этотъ періодъ. Задача поэта—воспроизвести эти типы въ своемъ произведеніи; задача историка литературы—указать на связь этихъ типовъ съ ихъ породившею историческою обстановкою, освѣтить ими эту историческую среду и прослѣдить на нихъ развитіе идей того времени. Только съ недавнихъ поръ ученые принялись за изученіе общественныхъ и литературныхъ *типовъ*. Изъ современныхъ писателей особенное вниманіе обратилъ на этотъ вопросъ французскій литературный историкъ Ипполитъ Тэнъ. Предлагаю вамъ познакомиться съ лекціями Тэна объ искусствѣ, особенно съ его «*Philosophie de l'art*», которая уже два раза была переведена на русскій языкъ. Въ своей «*Philosophie de l'art*» Тэнъ указалъ на различные типы, которые преобладали въ искусствѣ и литературѣ различныхъ временъ, разъяснилъ нѣкоторые условія и причины ихъ господства въ извѣстныхъ эпохи и такимъ образомъ провелъ черезъ всемірную исторію рядъ поочередно выдававшихся и смѣнявшихъ другъ друга представителей литературы и общественного быта. «Въ Греціи такимъ преобладающимъ характеромъ является прекрасный юноша хорошей породы, достигшій совершенства во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ; въ средніе вѣка—восторженный монахъ и влюбленный рыцарь; во Франціи XVII вѣка—лучшій придворный вельможа; въ наше время—вѣчно-пытливый и грустный Вертеръ или Фаустъ».

Гартполь Лекки въ своихъ сочиненіяхъ: «Исторія нравственности въ Европѣ» и «Исторія рационализма» не касался опредѣленныхъ *литературныхъ* типовъ. Зато онъ съ замѣчательнымъ талантомъ изобразилъ господствовавшіе въ извѣстныхъ историческихъ періодахъ нравственные идеалы и сообразовавшіеся съ этими идеалами нравственные типы. Одна изъ задачъ его «Исторіи нравственности» показать, какъ античные типы смѣнились христіанскими, какъ исчезли исполненные военной и гражданской доблести представители древняго міра и на исторической аренѣ появились новые герои—аскеты, мученики, глашатаи новаго ученія. Своими выводами онъ во многомъ обязанъ изученію исторіи искусства и литературы. Въ «Исторіи рационализма» Лекки посвящаетъ нѣсколько страницъ остроумнымъ замѣчаніямъ объ интеллигентномъ и промышленномъ типѣ новаго времени. Можно только сожалѣть о томъ, что онъ не подвергнулъ специально наблю-